

"Анти-Болонья": позиция или поза?*

Статья А.С. Запесоцкого "Ставка – будущее России. Азартная игра – Болонский процесс" [Запесоцкий, 3-8] далеко не первая в ряду тех, которые содержат критику в адрес Болонского процесса. Этот критический настрой виден уже из ее хлесткого заголовка. Правда, хлесткость эта кажется не вполне уместной. Меня, например, несколько коробит заимствованное из игорного лексикона слово "ставка" применительно к будущему России, а взгляд на Болонский процесс как на игру¹, причем игру азартную, представляется весьма далеким от реальности любому мало-мальски осведомленному о нем человеку.

Для читателей журнала, на мой взгляд, данная статья интересна не столько новизной аргументов – этого трудно ожидать на седьмом году существования самого Болонского процесса и весьма оживленного его обсуждения все эти годы как в нашей стране, так и за рубежом, – сколько тем, что ее автор, ректор петербургского вуза, постоянно апеллирует именно к ректорскому корпусу и заявляет свою позицию как позицию именно ректоров. Особенно характерен в этом отношении заключительный абзац статьи². Этому последнему аккорду предшествует пассаж, в котором есть и ссылка на "ректорский корпус, который в своем подавляющем большинстве настроен решительно против реформы образования «по Болонскому варианту»".

Возникают несколько вполне естественных вопросов: на основании какого исследования или хотя бы опроса автором сделан вывод о решительно отрицательном "настрое ректоров", действительно ли реформы образования в нашей стране проводятся «по Болонскому варианту», знает ли российский "ректорский корпус" детали сложного и противоречивого Болонского процесса в степени, позволяющей ему обоснованно занимать "анти-болонскую позицию", если она действительно является таковой?

На первый вопрос в статье ответа нет, а потому автор вольно или невольно свою собственную позицию (или позу?) подставляет на место позиции "ректорского корпуса". Никаких исследований по указанной позиции ректоров не проводилось и не могло проводиться просто потому, что далеко не все компоненты "реформы" (или "модернизации") образования вообще и высшего в том числе имеют отношение к Болонскому процессу. В частности, связка "ЕГЭ-ГИФО", которая до сих пор держит в напряжении общественность, включая вузовскую, никоим образом с Болонским процессом не связана. Это же можно сказать и об ожидаемых новациях в изменении статуса образовательного учреждения, которое для ряда государственных вузов чревато обычным банкротством (и приватизацией недвижимого имущества) после перехода в разряд автономной некоммерческой организации.

---

* Высшее образование в России, 2005, № 9.

На второй вопрос ответ может быть только отрицательным. По сути дела, только одно ожидаемое новшество – двухступенчатая система высшей школы – прямо связано с Болонским процессом. Но, во-первых, по ряду *направлений*, и автор это мог бы знать, *некоторые сегменты рынка уже более 10 лет* предъявляют спрос и на бакалавров. Речь идет, *в частности*, об экономистах разного профиля, особенно бухгалтеров, которые в советское время готовились как раз за 4 года, но в количествах, совершенно недостаточных для удовлетворения именно спроса именно в рыночной экономике. Во-вторых, по ряду *специальностей* ректорам уже удалось получить согласие правительства сохранить на неопределенное время традиционную пятилетнюю форму подготовки профессионалов высшей квалификации. Соответствующая поправка в законопроект внесена, и все ректоры, действительно заинтересованные в сохранении специалитета, об этом знают как от коллег, так и из различных публикаций: работников Министерства образования и науки, членов Комитета по образованию Государственной Думы, в том числе и землячки уважаемого автора, заместителя председателя этого комитета, депутата В.Н.Ивановой, а также ученых из самых разных вузов³.

Кроме того, и сам Болонский процесс – это далеко не только "две ступени" высшей школы. Об этом, к сожалению, приходится напоминать, поскольку автор демонстрирует удивительную неосведомленность по главному предмету своей публикации. Возможно, именно в этой части он, действительно, близок к позиции (точнее, степени информированности или отсутствия таковой) многих ректоров российских вузов.

В третьем из заданных выше вопросов – о степени информированности ректорского корпуса – мы и попробуем сейчас разобраться.

Начнем с того, что автор *ни разу* не обозначил правильно юридический статус документа, положившего начало Болонскому процессу. Он называл его и соглашением, и конвенцией, и даже протоколом, причем неоднократно, хотя на самом деле в 1999 г. было подписано *заявление* министров образования 29 стран Европы о намерении создать к 2010 г. европейское пространство высшего образования (European Higher Education Area – ЕНЕА). По месту подписания этот документ называют "Болонской декларацией" (Bologna Declaration). Это не вина, а беда А.С. Запесоцкого, причем далеко не его одного из числа ректоров, да и не только ректоров⁴. Не было в нашей культуре, которую мы все так хотим сохранить, уважения к праву, правовой культуре. Документ, не имеющий силы обязательства, за неисполнение которого не предусмотрены какие бы то ни было санкции, мы ошибочно рассматриваем как навязывание нам *чьей-то* воли. Наши зарубежные коллеги не исключают того, что страны-участницы Болонского процесса на некотором этапе могут заключить имеющее *обязательную* силу соглашение о формировании Европейского пространства высшего образования. Но, во-первых, этого пока еще нет, а потому нам не следует превращать

себя в посмешище своими страхами, проистекающими из нашей правовой неграмотности. Во-вторых, в рамках Болонского процесса действует принцип единогласия по принимаемым решениям (например, о допуске новых стран-участниц Болонского процесса). Именно поэтому либо аргументированная позиция России как участницы будет принята всеми остальными странами, либо Болонский процесс в его нынешнем формате прекратит свое существование и на его основе начнется другой процесс, уже без нашего участия. Не является секретом, что некоторые страны, ранее бывшие частью СССР и раньше нас присоединившиеся к Болонскому процессу, хотели воспользоваться своим правом вето и не допустить Россию в число подписантов. Президенту России, а также законодательной власти в лице Государственной Думы и исполнительной в лице МИДа пришлось приложить определенные усилия для того, чтобы авторитетные европейские коллеги объяснили нашим бывшим соотечественникам, что им не следует злоупотреблять этим правом и не возводить в Берлине, где состоялось очередное совещание министров образования, принимавшее решение о присоединении к ним нашей страны, новую Берлинскую стену вместо разрушенной в 1989 г.

Но как это трудно – аргументировать на языке, понятном рыночникам-европейцам, особенно российскому ректору, управляющему огромным полунатуральным хозяйством. Он даже цели Болонского процесса часто не может изложить адекватно. Не удалось это и А.С.Запесоцкому⁵, который смешал в кучу собственно Болонский сюжет двух (сейчас уже трех) уровней высшего образования с сюжетом Лиссабонской *конвенции* о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе 1997 г. (и ратифицированной Россией в 2000 г. в отличие от некоторых других участников Болонского процесса, все еще не сделавших этого)⁶, "кредитными трансфертами", о которых российский читатель может думать все что угодно, поскольку в нашей литературе есть понятие "зачетных единиц", которые специалисты между собой именуют кредитами, ничего общего не имеющими с какими-либо финансовыми отношениями, но нет связанного с ним союзом "и" понятия "кредитные трансферты". Только очень начитанный специалист сможет заподозрить в "выработке мер, облегчающих доступ населения к высшему образованию", содействие академической мобильности хотя бы студентов, не говоря уже о преподавателях и вузовским управленцам.

Хотя само понятие *пространства* – ключевое в Болонском процессе – уже самом по себе предполагает разговор именно о *мобильности* во всех ее видах и формах, автор ни разу ее не помянул, ограничившись проблемой "утечки умов", которую к тому же осветил далеко не самым удачным образом. Если и сейчас наши "математики, программисты" успешно работают в ведущих фирмах стран Европы и США, а "юристам, экономистам, педагогам и т.п. специалистам там как не было места, так и не будет", то с какой стати наше участие в Болонском процессе что-то кардинально изменит в этой ситуации? Слова А.С.Запесоцкого "Искушение у человека с дипломом

бакалавра или магистра возрастет, и отъезд специалистов за рубеж усилится", во-первых, прямого отношения к Болонскому процессу не имеют, т.к. этот процесс сконцентрирован на тех, кто еще учится и потому не имеет дипломов, именно их мобильность в процессе учебы является предметом особого внимания. Во-вторых, как-то обидно становится за людей с высшим российским образованием, которые, по мысли автора, готовы поддаться искушению поехать туда, где их никто не ждет, куда их даже не приглашают. О таких мелочах, как Шенгенская зона, тоже не следует забывать. Если и говорить о массовой мобильности молодежи, то Европу скорее заинтересуют не наши интеллектуальные ресурсы, которые не являются "массовым товаром" и уже используются там без каких-либо ограничений с нашей стороны, а возможная культурная альтернатива мусульманскому "антропоток" из ее бывших колоний и полуколоний. Нам, правда, от этого не легче, ибо демографическая ситуация в нашей стране не лучше, чем в Европе. Можно даже сказать, что тенденции мобильности населения внутри России должны внушать нам не меньшую, а большую тревогу, чем выезд специалистов с высшим образованием за границу⁷.

К сожалению, неточно автор комментирует и встречу представителей европейских вузов в Саламанке. Да, так было сказано, что от большинства выпускников бакалавриата ожидается, что они продолжат свое обучение, а не пойдут сразу на рынок труда. Но это совсем не значит, что бакалавр – незаконченное высшее образование. Более того, в Великобритании бакалавр гораздо реже учится дальше, чем выпускник континентального вуза. Причина простая. До вуза англичане проходят тринадцатилетнюю подготовку в школах разного уровня. 13 лет школы плюс 3(4) года вуза – это как минимум на год больше, чем сейчас учатся наши специалисты – "пятилеточки", которые из третьего класса переходили сразу в пятый и по сумме имеют всего 15 лет обучения⁸. Только к концу формальной временной границы Болонского процесса – 2010 г. – в российскую высшую школу будут поступать те, кто честно прошел все 11 лет обучения в средней школе. Так кого мы вводим в заблуждение, кроме самих себя? Европа при 12-летнем цикле общего образования может себе позволить трехлетний бакалавриат. У нас же по сумме лет меньше 4-х лет учить на бакалавра нельзя, если не считать консерватории, где учатся фактически не выпускники общей средней школы, а люди со средним специальным образованием продолжительностью в 8-10 лет (музыкальная школа плюс училище), аналогов которому в Европе просто нет.

Конечно, автор прав, что введение системы "4+2" в нашей стране приведет к изменениям пропорций в финансировании. Ректоры действительно опасаются, что это приведет к дифференциации вузов на имеющих и не имеющих право обучать по магистерским программам, что большая часть финансирования из государственного бюджета ограничится уровнем бакалавра, что это может ударить по выпускающим кафедрам, на которых, по идее, и сосредоточены лучшие силы преподавателей, "школы".

Но именно это беспокоит и их зарубежных коллег, которые тоже сталкиваются с проблемой уменьшения финансирования в расчете на одного студента в условиях резкого (в разы) расширения обучения молодежи в вузах. Одним из резервов повышения эффективности ими видится совершенствование управления высшим образованием как непосредственно в вузах, так и на уровне межвузовского взаимодействия.

И вот здесь мы подходим к самой печальной части анализа работы А.С.Запесоцкого. То, что он пишет о модульной системе⁹ и об автономии¹⁰ вузов сильно расходится с реальностью. Например, в Европе можно выбрать курс, и то в очень жестких границах, определяемых профилем подготовки, но не форму его освоения (лекции *или* семинары), а автономия вузов в России – как академическая, так и хозяйственная – реально существует по меньшей мере с начала 90-х гг. прошлого века и фактически спасла систему высшего образования в условиях резкого сокращения финансирования из бюджета. Увеличение этого финансирования Минфин сопровождает покушениями на часть свобод вузов, что ректорами отнюдь не приветствуется. Но Болонский процесс здесь ни при чем.

При чем – необходимость поиска резервов внутри системы высшего образования для решения сложнейшей проблемы сочетания высокого качества и массовой доступности высшего образования в Европе. Здесь все идет в ход – и совершенствование образовательных технологий, отнюдь не сводимое к разбиению традиционных "длинных курсов" на относительно автономные модули, и растущая снизу унификация базовых элементов содержания образования на основе единообразного нормирования его количества (в единицах трудоемкости работы обучающегося, именуемых в Европе "кредитом" в объеме от 25 до 30 астрономических часов, а у нас "зачетной единицей" в объеме 27 астрономических часов, равных 36 "академическим" часам), и компьютерно-телекоммуникационные технологии общения, и гораздо более тесное, чем практиковалось раньше, соединение финансовых потоков, в том числе поступающих из государственного бюджета, с теми контактами, в которые вступают между собой обучающиеся в вузе и все остальные, начиная, конечно, с преподавателей. Это перечисление можно продолжать еще долго.

Коротко говоря, всем, кто работает в вузе, приходится в той или иной степени избавляться от экономической безграмотности, отсутствия навыка сопоставлять затраты и результаты. Это нелегко дается даже ректорам при всей их погруженности не столько в содержание высшего образования, сколько в хозяйственное сопровождение образовательного процесса¹¹.

Так вот, самым печальным является даже не недостаток экономической грамотности подавляющего большинства представителей нашей высшей школы, а практически полное непонимание того, что на самом деле происходит в рамках Болонского процесса. Наше хозяйство было и остается натуральным или полунатуральным с присущей этому типу производства экономической культурой, в высшей степени пер-

сонифицированной. Отсюда, в частности, обращение автора именно к ректорам, сидящим каждый на своем "хозяйстве", если пользоваться тем же термином, что и А.С.Запесоцкий, к Президенту России как главному "хозяину земли российской".

В нашей стране есть союз ректоров, но нет союза вузов – почувствуйте разницу. МГУ им. М.В.Ломоносова входит в ассоциацию столичных университетов Европы. Ее президентом является отнюдь не ректор, а проректор одного из таких университетов – Венского. Ассоциация т.н. "классических университетов" в нашей стране только-только создается, и еще неизвестно, насколько она будет самостоятельна по отношению к ректорам вузов, входящих в ассоциацию.

Европейское пространство высшего образования создается не только и не столько "сверху", министрами образования, сколько "снизу" – профессурой различных вузов, которые без каких-либо посредников встречаются, спорят, договариваются, ищут и находят общий язык, вырабатывают общую терминологию в сфере управления образовательным процессом. Им это надо, и они это умеют. Они живут в рыночном обществе уже не один век. По сути дела, высшее образование осталось последним редутом производства ремесленного типа и постепенно перестает быть таковым в своей массе. Рыночное общество (или, что то же самое по сути, индустриальное общество) закономерно переходит в фазу общества, основанного на знаниях (knowledge-based society, или просто knowledge society – общество знаний).

Мы вне этой культуры¹².

Нашей сильной стороной, связанной как раз с натуральным хозяйством, всегда было умение мыслить не просто фундаментально, а системно, комплексно, межпредметно-целостно в отличие от узко-специализированных профессионалов западно-европейской культуры. Мы, вероятно, смогли бы поставлять на международный рынок труда специалистов-интеграторов, без которых не обходится ни один эффективный производственный коллектив, отнюдь не деля из этого высший смысл существования российских вузов, которые остаются во многих регионах едва ли не единственным светочем культуры. На мой взгляд, одной из главных задач столичных вузов, в том числе и питерских, независимо от их профессионального профиля и правового статуса, если угодно, их миссией должно стать всемерное содействие региональным вузам в их незаменимой работе по реальному обеспечению будущего России¹³.

Но это еще надо осознать и, возможно, попытаться сделать основой формирования своего реального, а не бюрократического единого образовательного пространства, формой которого, во многом иллюзорной, являются государственные образовательные стандарты в их нынешнем виде¹⁴, а также основой нашей реальной позиции в Болонском процессе как страны, а не суммы разрозненных вузов, конкурирующих между собой в получении тех или иных грантов от государственных, надгосударственных и внегосударственных структур, каждая из которых при этом преследует

свои собственные цели. Только от нас самих – и ректоров тоже, но далеко не их одних – зависит, в какой мере наше участие в Болонском процессе пойдет на пользу нашей стране, станет вкладом в будущее России.

Президент уже внес свою лепту. Дело теперь за нами, нашими талантами. Каждому из нас в отдельности и всем вместе предстоит решать: зарывать это серебро в землю или пустить в обращение?

Примечания

¹ Игровое видение (например, частое употребление выражения *fair play* – честная игра – в ситуациях, далеких от игровых) – это черта не нашей, а английской культуры. Радетелю за сохранность национальной культуры России, тем более доктору культурологических наук, это известно лучше, чем многим другим.

² "Думается, *ректоры* еще не сказали своего *последнего слова*. Есть, в конце концов, гарант Конституции – *Президент* Российской Федерации, который может и *должен* внять *нашим* опасениям и проявить мудрость и дальновидность. *Если* это случится, многие тревоги, высказанные в этой статье, реальностью не станут и останутся лишь тревогами (курсив мой, – Л.Г.)".

³ Кстати, в России именно Санкт-Петербургский университет является головным в Болонском процессе в соответствии с решениями, принятыми на уровне Министерства образования и науки России.

⁴ Например, на заседании Правительства 9 декабря 2004 года, в материалах Минобрнауки использовался термин "Болонское *соглашение*" (см., напр. Реформа образования Проект Министерства образования и науки РФ на сайте www.polit.ru).

⁵ "Если говорить кратко, то цели Болонского *соглашения* состоят во введении двухуровневой системы образования – бакалавра и магистра, взаимном *признании* вузовских дипломов, образовательных кредитов *и кредитных трансфертов*, создании единых европейских *стандартов* качества преподавания в системе высшего образования, выработке мер, облегчающих *доступ* населения к высшему образованию".

⁶ Кстати, именно в этой конвенции определено, что любой документ о получении высшего образовании сам по себе представляет квалификацию. Точнее, академическую квалификацию. Это относится и к любому российскому диплому. Наличие или отсутствие в нем отдельной записи о присвоении профессиональной квалификации никак не регламентируется, поэтому А.С. Запесоцкий попал мимо цели, заявив: "По Болонскому *протоколу* (! – Л.Г.) *ученые* (!! – Л.Г.) степени бакалавра и магистра являются академическими квалификациями. По российским законам – профессиональными. Налицо явное противоречие..."

⁷ За период между последними двумя переписями население России мигрировало с севера и востока в центр и на юг. Особенно стремительно – более чем на 10% – сократилось по этой причине население Дальневосточного федерального округа.

⁸ По этой во многом формальной причине англичане не желают пока признавать равным своему бакалавру даже нашего дипломированного специалиста. Исключение, довольно редкое, составляют дипломы вузов, работающих по образовательным программам, согласованным с английскими партнерами.

⁹ "Болонское *соглашение* взламывает не только сложившиеся уровни образования, систему государственного контроля и управления вузами. Оно требует коренной перестройки содержания и форм обучения в вузе. Речь идет о *модулях*, разрабатываемых кафедрами. Вместо традиционного для России освоения содержания образования на основе логики изложения той или иной дисциплины предлагается перейти к освоению модуля. Последний представляет собой *некую* совокупность образовательных задач. Эти задачи реализуются в соответствии

с выбором студента путем прослушивания лекций, либо участия в спецсеминарах, либо в тренинговых занятиях и т.д. (курсив мой, – Л.Г.)".

¹⁰ "История российских вузов – это история *постоянного* усиления роли государственного управления и контроля в их жизни. *Введение автономии* вузов в условиях России *может* привести к чему угодно – к местничеству, волюнтаризму, существенному снижению качества образования (в силу бесконтрольности), просто торговле дипломами, в т.ч. и учеными степенями. Видимо, *до* введения системы противовесов и механизмов контроля данная норма у нас неприемлема (курсив мой, – Л.Г.)". Нетрудно заметить, что перечисленные автором опасности не предположительны, а отражают реальное положение дел.

¹¹ Крайне досадным примером такой, скажем мягко, неполной экономической грамотности автора анализируемой статьи является высказывание: "получение прибыли в виде заработной платы".

¹² Плохо это или хорошо, но наше общество остается дорыночным, традиционным, можно сказать – патриархальным. Вчитаемся еще раз в последний абзац статьи А.С. Запесоцкого. Не правда ли, в нем чувствуются колебательные движения двух видов: голосовых связок на басовом регистре и задней (хвостовой) части тела лучшего друга человека. Человек этот в 2006 г. примет членов "G-8" в Санкт-Петербурге, и основными темами встречи будут демография и образование в глобальном масштабе.

¹³ Особая роль именно вузов в жизни современного общества подчеркнута и в Бухарестской декларации по этическим ценностям и принципам высшего образования в Европейском регионе, также являющейся частью Болонского процесса.

¹⁴ "Не преуменьшая сегодняшнюю роль кафедр как основного звена организации учебного процесса в вузе, отметим, что пока она сводится к возможно более тщательной реализации Государственных образовательных стандартов" – прочитав эти слова А.С. Запесоцкого, большинство знакомых с реальной ситуацией только улыбнется. На самом деле, основная часть не только кафедр, конкретных преподавателей, но и деканатов, не владеет информацией о содержании стандартов, которые к тому же главную часть подготовки профессионалов – специальные дисциплины – в основном передает на усмотрение вузов в рамках т.н. регионального (вузовского) компонента. Поэтому раз в пять лет, перед очередной аттестацией едва ли не каждом вузе начинается лихорадочная деятельность по подготовке отдельного комплекта документов, подлежащих предъявлению проверяющим "сверху". Это во многом напоминает "двойную бухгалтерию", широко практикуемую в сфере денежных потоков отечественными предпринимателями всех форм хозяйствования, включая государственные образовательные учреждения.